

"идеолог", и он обязан в каких-то эпизодах дать ясное раскрытие своей идеи. При этом понятно, что он – человек совершенно иного, почти противоположного типа по отношению к Ивану с его рациональностью, логичностью, философской строгостью. Поэтому было бы странно, если бы Дмитрий излагал свою идею столь же последовательно и рационально, на протяжении десятков страниц, как это делает Иван в аналогичной исповеди, содержащейся в главах "Бунт" и "Великий инквизитор", – без малейшего нарушения художественного правдоподобия.

В случае с Дмитрием все оказывается существенно иным, чем в исповеди Ивана. Важнейшая философская идея, носителем которой он является, выражается не в форме рационального рассуждения, а в форме *поэтического мифа*. Этот миф непосредственно касается главной темы романа – понимания человека, его сущности, оснований его бытия и целей его существования. Поэтому по своему существу он оказывается *мифом о человеке*; в нем раскрывается важнейший аспект той тайны человека, которую всю жизнь пытался разгадать Достоевский.

Еще до начала своей исповеди, только встретив Алешу в саду дома, примыкающего к дому их отца, Дмитрий произносит стих:

"Слава Высшему на свете,
Слава Высшему во мне!.." (14; 96)³.

Здесь "Высший" – это, конечно же, Бог, и мы видим, что исповедь Дмитрия перед Алешей начинается с той же самой темы, которая будет в центре более поздней беседы Алеши и Ивана – с проблемы веры в Бога и судьбы человека в нашем несовершенном мире. Дмитрий своей стихотворной фразой однозначно подтверждает, что верует в Бога, но его Бог оказывается некоей высшей силой, в равной степени действующей в природе и в отдельной личности. В своей вере Дмитрий оказывается сторонником *мистического пантеизма*, известной и влиятельной еретической традиции, популярной в европейской философии на протяжении многих столетий (от Эриугены до Шеллинга и Гегеля). От Дмитрия мы, конечно, не ждем точного изложения главных принципов этой философской традиции. Тем не менее ее контуры достаточно ясно угадываются в том мифе о человеке, который с ним связан.

"Я хотел бы начать... мою исповедь... гимном к радости Шиллера", – говорит Дмитрий (14; 98); однако начинает он не с гимна, а со стихотворения того же Шиллера "Элевсинский праздник":

"Робок, наг и дик скрывался
Троглодит в пещерах скал,
По полям номад скитался
И поля опустошал <...>
И куда печальным оком
Там Церера не глядит –
В унижении глубоком
Человека всюду зрит!" (14; 98).

В нарочито наивном тексте речь идет о некоем первобытном, первичном состоянии человека, которое было отмечено печатью *униженности, радикального несовершенства, богоставленности* ("И нигде богопочтения не свидетельствует храм" (14; 98)). Следующие слова Дмитрия, обращенные к Алеше, превращают это поэтическое описание в символическое отражение важнейшего слагаемого сущности *человека как такового*, вне зависимости от эпохи и условий его существования. "Друг, друг, в унижении, в унижении и теперь. Страшно много человеку на земле терпеть, страшно много ему бед! Не думай, что я всего только хам в офицерском чине, который пьет коньяк и развратничает. Я, брат, почти только об этом и думаю, об этом униженном че-

³ Здесь и далее все цитаты из произведений Достоевского даны по полному собранию сочинений с указанием тома и страниц.